

*Я. А. Голубинов,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры
философии и культурологи ГБОУ ВПО СамГМУ Минздрава РФ*

**«ПОТРЕБНОСТЬ В САМОПОМОЩИ»:
РЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА
В СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДАХ В 1914–1917 гг.**

Аннотация. В годы Первой мировой войны большие и малые города оказались в трудном положении из-за дефицита продовольственных товаров. Городские управления и кооперативные организации пытались решить эту проблему. В 1917 г. после Февральской революции кооперативы взяли в свои руки дело снабжения, но из-за развала центральной и местной власти уже мало что могли сделать.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольственный вопрос, кооперативы, Среднее Поволжье.

Ya. V. Golubinov

**NEED IN SELF-HELPING:
FOOD ISSUE IN MIDDLE VOLGA REGION TOWNS IN 1914–1917**

Summary. During the Great War Russian cities and towns were in a difficult situation because of the scarcity of food. Urban governance and cooperative organizations had tried to solve this problem. In 1917, after the February Revolution, cooperatives took over the business of supply but due to the collapse of the central and local authorities they could not cope with that.

Keywords: the First World War, food supply, cooperatives, Middle Volga region.

До начала Первой мировой войны в России не существовало государственной централизованной системы снабжения населения предметами первой необходимости. Власти оказывали продовольственную помощь только крестьянству, ссужая его зерном в неурожайные годы. Подобная хлебозапасная система отлично зарекомендовала себя в мирное время, но была неспособна нормально функционировать в годы войны¹.

¹ См. *Мацузато К.* «Общественная ссypкa» и военно-продовольственная система России в годы Первой мировой войны // *Acta slavica iaponica*. Саppoгo,

В городах вообще не было специальных организаций, ответственных за снабжение населения, ни в мирное, ни в военное время. Городские поселения в годы Первой мировой войны столкнулись с дефицитом определенных продовольственных товаров, который постепенно перерос в настоящий голод. В данной статье, основанной на материалах трех средневожских губерний (в первую очередь — Самарской, а также Симбирской и Пензенской), я постараюсь раскрыть некоторые особенности тех способов снабжения в городах, которые использовались в годы войны (с начала войны и до октября 1917 г.).

Прежде всего необходимо выделить те организации (формальные и неформальные), которые приобретали и распространяли продовольственные товары. Это, во-первых, торговцы, во-вторых, органы самоуправления (земства и городские думы), в-третьих, кооперативные товарищества, в-четвертых, непосредственные объединения домовладельцев и жильцов (в том числе мешочники). Отношения этих агентов снабжения с государственной властью (центральной и местной) и между собой складывались различным образом.

Часть из этих агентов действовала и до войны (торговцы, кооперативы, органы самоуправления). Но Первая мировая война изменила их деятельность, привнесла в нее новые элементы, связанные в первую очередь с самостоятельной деятельностью масс. Последние были вынуждены перейти на режим так называемого «самоснабжения», под которым понимаются все пути самостоятельного (без помощи государства или органов самоуправления) получения сельскими и городскими обывателями «продуктов повседневного спроса». Кроме того, словом «самоснабжение» я предпочитаю называть явление, в котором ясно видна деятельность не отдельных людей (торговцев), а больших коллективов. Именно в деятельности таких «общественных» (в полном смысле этого слова) объединений раскрываются механизмы выживания народа в эту экстремальную во всех отношениях эпоху.

1997. Vol. 15. Электронный ресурс: режим доступа URL: <http://src-hokudai-ac.jp/publicn/acta/15/matsuzato/matsuzato.html> (дата обращения: 04.02.2014); *Мацузато К.* Земство во время Первой мировой войны: Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен: Политологический подход. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. Электронный ресурс: режим доступа URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/kaken/matsu2001/zemstvo.pdf> (дата обращения: 04.02.2014).

Самоснабжение осуществлялось тремя способами: 1) кооперативная торговля; 2) «мешочничество»; 3) воровство или продовольственные погромы, т. е. присвоение или насильственный захват (грабеж) имущества другого лица — торговца, помещика, потребительского общества, армейских складов и т. д. Наиболее привычный путь — обыкновенная частная торговля — очень быстро превратился в нечто сродни преступлению, поскольку все торговцы подозревались в спекуляции товаром.

Средневолжские потребительские кооперативы и до 1914 г. составляли конкуренцию частным торговым фирмам². Первая мировая война необычайно сильно повлияла на кооперативное движение в регионе. Во-первых, кооперативы помогали бороться с дороговизной в городе и деревне. «Уже один тот факт, — отмечала земская печать, — что в селениях возникало потребительское общество, являлся угрозой для завравшегося торговца и сдерживал его неумеренные, алчные аппетиты»³. Во-вторых, брали поставки в армию продовольствия и фуража. Этим занимались в основном сельские кредитные товарищества. Кроме того, кооперативы взяли на себя заботу о семьях воинов и помогали беженцам.

К августу 1917 г. только в Самарской губернии было утверждено уже 608 уставов потребительских обществ. По некоторым данным, за четыре года войны количество потребительских обществ в губернии утроилось и выросло к концу 1917 г. до 750–800. Журнал самарского земства давал образную оценку развитию потребительской кооперации в крае: «Что касается потребительных обществ, то, глядя на их развитие в последнее время, невольно вспоминается, что именно у нас на Руси создалась поговорка: “гром не грянет — мужик не перекрестится”. Расстройство товарообмена и транспорта было тем громом, который особенно подчеркнул необходимость “перекреститься” и вспомнить о той могучей силе, которая заложена в кооперацию и одна может бороться с создавшимися затруднениями»⁴.

Рост потребительской кооперации в годы войны был вызван во многом изменением отношения к ней со стороны властей⁵. В условиях

² Целовальникова И. И. Деятельность развития потребительской кооперации в Среднем Поволжье в 1906–1917 годах // Крестьянин в миру и на войне: материалы III Меркушкинских чтений. Саранск: типография «Красный Октябрь», 2005. С. 394–403.

³ Симбирский хозяин. Симбирск, 1916. № 1. С. 32–37.

⁴ Самарский земледелец. Самара, 1917. № 1. С. 19–20.

⁵ Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России-СССР (1905–1930). М.: ИРИ РАН, 1996. С. 151.

острого дефицита большинства продуктов первой необходимости через потребительские общества стало возможным наладить систему нормированного распределения товаров среди населения. Система кооперативов одновременно спасала от злоупотреблений частных торговцев и давала возможность обойтись без раздутого бюрократического аппарата распределения. Также подобный рост стал возможен благодаря поддержке новых обществ уже существующими кредитными товариществами. Последние выступали в качестве кредиторов, ссужая необходимые средства на покупку продуктов. Часто бывало так, что члены кредитного товарищества одновременно стояли во главе потребительского общества.

Учредители самого крупного самарского кооператива «Самопомощь», созданного в сентябре-октябре 1915 г., прямо указывали, что «чрезвычайно обострившийся за время войны «продовольственный вопрос» особенно ярко выдвинул и подчеркнул громадное значение кооперативных организаций там, где они существовали, и настоятельную необходимость создать эти организации там, где их не было. Стала явно ощутительной потребность в самоорганизации, в с а м о п о м о щ и (разрядка в тексте. — Я. Г.). На фоне всеобщего хаоса и разрушения зарождались кооперативные организации. Не отстала и Самара: была вызвана к жизни новая организация — общество «Самопомощь»⁶. Сразу же новая организация столкнулась с трудностями в виде нехватки средств, мобилизации ратников, дефицитом товаров и дороговизной. Особенно не хватало опытных работников, например «Самопомощь» тяжело пережила мобилизацию ратников второго разряда, так как правление лишилось бухгалтера и его помощника⁷. Но это не помешало обществу открывать отделения в разных частях города: так, через полгода после создания было открыто вне плана 3-е отделение, исключительно для продажи чая и сахара. Число членов общества непрерывно росло и составило на 1 января 1916 г. 4653 человека, на 1 февраля уже 8327, на 1 марта — 9944 и на 1 апреля — 10026⁸. Паевой капитал на 1 апреля 1916 г. составил 32 118 руб. 95 коп., а вместе с вступительной платой — 35 199 руб. 26 коп.

В Самаре это потребительское общество не сразу нашло общий язык с отцами города. Практически сразу же после открытия правление

⁶ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1916. № 1. С. 2.

⁷ Там же. № 5. С. 6.

⁸ Там же. Самара, 1916. № 1. С. 3.

общества обратилось в городскую управу с просьбой о предоставлении ему одного или двух торговых помещений в районе Троицкого и Воскресенского базаров, поскольку первоначально выделенные управой помещения были, по мнению правления, совершенно непригодны к торговой деятельности. В дальнейшем общество обращалось в городскую управу с разными просьбами: закупать на средства, отпущенные в ее распоряжение на борьбу с дороговизной, по указанию общества продукты первой необходимости и передавать их по покупной цене «Самопомощи» для перепродажи местному населению и выдать кооперативу беспроцентную ссуду в размере 20 000 руб. с условием уплаты этой ссуды в течение пяти лет, начиная со следующего по окончании войны года. Последняя просьба эта была вначале отклонена управой, но затем все же рассмотрена городской думой. Дума одобрила предложения общества, но взамен потребовала включения представителя думы в состав правления с правом решающего голоса. Несомненно, что последнее условие было неприемлемо для правления, о чем тут же было заявлено.

Самарская городская исполнительная комиссия по борьбе с дороговизной, критиковавшаяся и гласными городской думы, проявила, по мнению правления «Самопомощи», не лучшее отношение к обществу. Комиссия передоверила решение просьб общества городской управе, которая во многих случаях отказывалась их выполнять. Именно поэтому, а также из-за безрезультатности работы комиссии, правление общества постановило отозвать своих представителей из исполнительной комиссии.

С уполномоченным председателя Особого совещания по продовольственному делу Иньковым у общества установились совершенно иные взаимоотношения. Благодаря его содействию общество получало большие партии продуктов первой необходимости. Его же помощью кооператив воспользовался и при перевозке грузов по железной дороге, поскольку целый ряд их направлялся в адрес уполномоченного, что обеспечило более быстрое получение товаров. Через уполномоченного стали проходить и некоторые заказы общества. Так, например, был дан заказ арендаторам Илецких соляных промыслов на поставку обществу ежемесячно шести вагонов соли.

Однако при всем том содействии, которое оказывали обществу уполномоченные Министерства земледелия и Особого совещания по продовольственному делу, не было уверенности в одном и самом главном — в своевременном получении грузов по железной дороге. Расстройство

железнодорожного транспорта — «вот то зло, которое побороть нет никакой возможности и которое разбивало всякую планомерную работу», — отмечали в правлении. Потому оно тщетно добивалось от председателя Порайонного комитета по железнодорожным перевозкам приглашения на заседание комитета представителя общества. Однако ответа не последовало.

Пример «Самопомощи» вдохновил и подстегнул работу других кооперативов. Служащие и рабочие различных предприятий образовывали потребительные общества. Так, служащие Самаро-Златоустовской железной дороги образовали свой кооператив⁹. В 1915 г. в его собственности оказались склад в Самаре, семь магазинов в разных пунктах дороги, три вагона-лавки, и мясная лавка в Самаре, а на 1 июня 1916 г. в нем состояло 4825 членов.

Были и попытки организовать кооперативы по указке властей. Так, в марте-апреле 1916 г. правительство ассигновало Самарскому трубочному заводу 71 тыс. руб. на устройство «кооперативной» лавки¹⁰. Кооперативность предполагаемого учреждения, как с издевкой отмечали самарские кооператоры, должна была заключаться в чем угодно, только не в паевом взносе членов и не в выборном принципе ее организации. После довольно долгой борьбы рабочие добились предоставления им контроля над лавкой. От каждой мастерской было избрано по два представителя, которые и образовали правление с не переменным членством чиновника заводского управления, только с совещательным голосом и «без всякой ответственности за деятельность правления кооператива». Капиталы общества образовались из ассигновки правительства (уже в сумме 109 тыс. руб.) и вступительной платы в размере по 1 рублю с члена.

Подобное стремление к образованию кооперативов отразило отношение населения к прежним формам снабжения. Прежние выходки торговцев (например, завышенных цен, обмера, обчета и обмана покупателей) теперь воспринимались большей частью народа как предательство и худшее из возможных преступлений.

Отношение государственной власти к купцам тоже было неоднозначным. С одной стороны, многие крупные хлеботорговцы вошли в состав новых органов по обеспечению армии либо были посредниками при приобретении продуктов, и купечество, «очень подозрительно

⁹ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1916. № 5. С. 6.

¹⁰ Там же. Самара, 1917. № 3. С. 7, 8.

державшее себя в 1905–1907 гг., ныне в общем довольно существующим строем, особенно теперь, наживая от войны громадные капиталы», как отмечал симбирский губернатор Ключарев в своем отчете от 10 сентября 1916 г. С другой стороны, оно «не прочь подставить “ножку” и высшему правительству, и высшим его представителям» по причине зависти к дворянству¹¹. В сообщениях на имя самарского губернатора указывалось: «Местные купцы, торгующие крупяными изделиями и прочим продовольственным товаром, хранят у себя на складах огромные запасы в тысячи пудов... И продают их лишь в незначительном количестве, твердо уповая на дальнейший рост спроса и связанное с ним спекулятивное вздутие цен. Барыши уже мерещатся местному купечеству, зарекомендовавшему себя ранее таким же «патриотическим» настроением и глубоко проникнутым сознанием своего долга перед Родиной»¹². Однако власти ничего не оставалось, как пойти на компромисс с купечеством, поскольку оно до поры до времени не было замечено в политических интригах. Организаторский опыт, большие мобилизационные возможности, громадные капиталы делали крупную буржуазию бесценным партнером в деле снабжения много-миллионной армии.

Со стороны общественности критика звучала обыкновенно от представителей интеллигенции. Надо признать, что у них был повод быть недовольными торговым сословием. Среди предпринимателей военного времени, отмечала исследовательница, было немало людей авантюрного, а порой даже мошеннического склада, которых не мучил вопрос о происхождении их капиталов, цель которых заключалась в поисках «счастья и денег»¹³. Изменилась постепенно ментальность российской, в том числе региональной, буржуазии, весь спектр социального поведения и ориентаций предпринимателя, а главное — самих форм и методов хозяйствования. Чрезвычайно усилились негативные черты российского предпринимательства. В то же время купцы по-прежнему

¹¹ Государственный архив Ульяновской области (ОГБУ ГАУО). Ф. 76. Оп. 7. Д. 1495. Л. 2об.

¹² Цит. по: *Казанцев А.А.* Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны: На примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. С. 71.

¹³ *Салова С.В.* Буржуазия России в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: Историко-региональный аспект — Самарская, Симбирская, Саратовская губернии / под общ. ред. М. В. Астахова. Самара, 2005. С. 63.

вели активную благотворительную деятельность — помогали Красному Кресту, Всероссийскому земскому союзу и Всероссийскому союзу городов, отдельным больницам и благотворительным обществам¹⁴. Нередко они выручали города, предоставляя бесплатно в их распоряжение определенное количество муки. Так поступил в конце 1915 г. глава Самарского биржевого комитета В. Н. Башкиров, а осенью 1917 г. самарский купец В. М. Сурошников пожертвовал 1000 пудов муки беднейшим жителям города¹⁵.

Горожане, тем не менее, находили повод для недовольства: торговцы мясом, не выполняя таксы, продавали всё по цене высшего сорта; в булочных и калачных черный хлеб перестал выпекаться совершенно, вес выпеченных булок много ниже нормы; спекулянты перехватывали продукты у крестьян, которые привозили их в город, и продавали по повышенным ценам¹⁶. В подобном положении обвиняли думцев и членов управ, которые находились в согласии с торговцами и не соблюдали интересы горожан при решении вопросов о таксе¹⁷. Отставной генерал А. В. Жиркевич в середине июля 1916 г. писал в своем дневнике, что «средний класс убивает на покупку необходимого последние сбережения. Зато торговцы нажили себе на чужом горе целые состояния. Правительство до сих пор не выработало ничего, что удержало бы этих разбойников от грабежей среди бела дня»¹⁸.

Подобные настроения существовали не только в средневожских губерниях. В. С. Измозик, приводя выдержки из перлюстрированных писем людей самых различных сословий, сделал вывод, что ни один из корреспондентов не находил доброго слова, оценивая экономическую деятельность правительства¹⁹. Тон корреспонденции самый мрачный: дороговизна, недостаток продуктов, алчность спекулянтов — вот самые распространенные темы. Член Русского монархического союза,

¹⁴ Салова С. В. Ук. соч. С. 61.

¹⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ГУСО ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 36. Д. 1471. Л. 28; Волжский день. Симбирск, 1917. 8 сентября.

¹⁶ ГУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 63. Д. 3а. Л. 35.

¹⁷ Вестник пензенского земства. Пенза, 1915. № 38. С. 680.

¹⁸ Симбирский дневник генерала А. В. Жиркевича. 1915–1922 // Волга. Саратов, 1992. № 7–8. С. 97.

¹⁹ Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война (Материалы Международного коллоквиума). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 161.

тульский землевладелец К. Н. Пасхалов утверждал в середине февраля 1917 г., что «хлеба в России достаточно, но он спрятался от твердых цен, не соответствующих вздорожанию других предметов потребления, и никакими мерами, кроме насилия, извлечь его на рынок невозможно. Последствием же насилия непременно будет бунт. Следует отказаться от твердых цен и предоставить зерну полную свободу передвижения, уничтожив таможенные заставы между губерниями, но строжайше... карая спекулянтов и банки, скрывающие предметы продовольствия». А другой корреспондент за несколько месяцев до этого, в октябре 1916 г., рисовал мрачные картины рабочего бунта «из-за голода», ведь «день-деньской — хвосты... у нас все холодно и голодно». Необходимо подчеркнуть, что исследователь абсолютно прав, замечая, что «вне зависимости от того, насколько все эти высказывания соответствовали реальному положению дел, они передавали совпадавшее по сути экономическое самоощущение людей из различных социальных, национальных и политических групп»²⁰.

Проблема «дороговизны» стала мощным фактором радикализации массовых настроений в городах. Так, пензенская газета «Чернозем» в январе 1916 г. отмечала, что «цены на товары повседневного спроса выросли в три раза и не хватает муки, крупы, соли, мяса, сахара и прочих продуктов ... нет даже мало-мальски съедобного хлеба»²¹. Общественное недовольство явно возрастало. Когда пензенская губернская земская управа предприняла ряд мер по организации торговли продуктами по твердым ценам, не обошлось без эксцессов. Полиция была не в силах обеспечить хотя бы некоторое подобие порядка, и «толпа приступом брала кассу управы и склад земства»²². А 15 февраля «на масленичном базаре не было приступа ни к маслу, ни к муке... Царила давка»²³. Страх остаться без хлеба подкреплялся разговорами о «распутинщине», раздутыми «до фантастических пределов сплетнями и слухами», которые разносились по стране и способствовали десакрализации царской власти. К этому добавились «недостаточный рост заработной платы, отсутствие продуктов, приостановка ряда предприятий в связи с отсутствием сырья, частая безработица квалифицированных рабочих, расстройство транспорта, невероятное количество мобилизаций

²⁰ Измозик В. С. Указ. соч. С. 163.

²¹ Чернозем. Пенза, 1916. 26 янв.

²² Там же. 9 февраля.

²³ Там же. 16 февраля.

и реквизиций, миллионы людей, оторванных от производительного труда и бездействующих в глубоком тылу армии» — все эти факторы послужили дополнительными причинами всевозрастающего раздражения населения и общественных сил²⁴. Всё это способствовало тому, что по городам Среднего Поволжья прокатились продовольственные погромы и бунты²⁵.

Городские управления Среднего Поволжья проводили до февраля 1917 г. в продовольственном деле политику, сходную с политикой многих других общественных управлений России: таксировка продуктов, закупка и продажа продуктов по заготовительной цене через городские лавки и т. п.²⁶ Некоторые из этих решений были предложены непосредственно гласными, другие — управой, губернатором или специальными продовольственными органами либо позаимствованы из практики других городов (в первую очередь равнялись, разумеется, на столицы). Эти решения нередко вызывали раскол среди гласных дум, однако практически всегда удавалось найти компромиссное решение. Думы действовали либо пытались действовать в интересах всех общественных слоев. В условиях расширявшегося с ходом войны продовольственного кризиса эти начинания нередко оказывались запоздавшими или недостаточными.

После Февральской революции регулирование продовольственного дела в городах изменилось. Кооперативы, до этого игравшие подчиненную роль в снабжении городов из-за ограничительного законодательства, вышли на первый план. Самара уже обладала достаточно развитой сетью кооперативов, самым крупным из которых были уже упоминавшиеся выше общество «Самопомощь», насчитывавшее к 1917 г. до 14 тыс. членов и владевшее пятью магазинами, и Общество потребителей Самаро-Златоустовской железной дороги с 20 тыс.

²⁴ Полнер Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. М.: Русский путь, 2001. С. 314.

²⁵ См. Сухова О. А. Погромное движение в России в годы Первой мировой войны: социально-психологический аспект (По материалам Среднего Поволжья) // Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2003.

²⁶ См. Голубинов Я. А. Городские думы Самарской губернии и продовольственное обеспечение население в годы первой мировой войны // Международный конкурс «Уроки благотворительности»: материалы конкурса исследовательских работ по вопросам благотворительности. Самара, 2007. Ч. 2. С. 57–63.

членов²⁷. Даже по общероссийским масштабам это были довольно крупные и влиятельные организации²⁸.

Именно кооперативы стали преемниками городских управлений. Городские думы, используя ситуацию всеобщих преобразований, стремились поскорее передать самые хлопотные дела, бывшие раньше в их компетенции, новым комитетам и комиссиям²⁹. В Самаре главой нового Продовольственного комитета был назначен А. В. Бородин, который давно занимался решением этого вопроса, возглавляя общество «Самопомощь». В состав комитета вошли: два представителя от городской думы, четыре — от комитета народной власти, восемь — от совета рабочих и военных депутатов, семь — от совета самарских кооперативов, пять — от центрального бюро профессиональных союзов, четыре — от торгово-промышленного общества, один — от биржевого комитета и 18 районных попечителей, избранных жителями соответствующих районов, на которые был разбит город. Этот комитет находился несколько в стороне от политических интриг революционного периода. На его плечах лежала задача обеспечить город продовольствием в условиях усиливающейся революционной анархии и продовольственного сепаратизма отдельных местностей. В уездных городах местные кооператоры столкнулись с такой же задачей.

Комитет встал на путь жесткой централизации распределения продуктов первой необходимости. В распоряжение городского комитета поступили все средства, полученные городским самоуправлением на ведение продовольственной кампании в г. Самаре, и все городские предприятия по продовольствию. В помощь горпродкому при обществе «Самопомощь» была образована особая Организационная комиссия, на которую возложено дело организации продовольственных попечительств.

Последовательно были осуществлены монополии на муку, крупы, затем выпеченный хлеб, мясо, яйца³⁰. Попутно комитет был вынужден

²⁷ ГУСО ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 131. Д. 198. Л. 28; *Безгина О. А.* Из истории кооперативного движения в дореволюционной России (На примере Самарской губернии) // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 96.

²⁸ *Китанина Т. М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.). Л. : Наука, 1985. С. 223.

²⁹ *Кабытова Н. Н.* Власть и общество в российской провинции в революции 1917 г. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2002. С. 106.

³⁰ Отчет о деятельности Самарского городского продовольственного комитета за март-октябрь 1917 г. Самара, 1917. С. 20 и сл.

взять на себя распределение таких необходимых в быту предметов, как нитки, мыло, свечи, галоши, так как они также исчезли из свободной продажи. Карточная система, введенная в 1916 г., продолжала действовать, и для уточнения норм выдачи вследствие увеличившегося населения пришлось в середине 1917 г. провести новую перепись³¹. Комитет увеличил число столовых, организовал несколько чайных, колбасную лавку. Городская дума для поддержания начинаний комитета была вынуждена возобновить ходатайство о займе в 4,5 млн руб.³² Был возрожден проект муниципальной пекарни, только на этот раз она досталась городу без каких-либо затрат: хлебопекарня Неклютина, одна из крупнейших в городе, была со скандалом и применением воинской силы реквизирована комитетом³³. С некоторыми другими хлебопекарнями комитет заключил добровольное соглашение, и в руках горпродкомитета находилось до семи хлебопекарен, которые могли выпекать хлеба ежедневно из 550–600 мешков муки (частные хлебопекарни более мукой не снабжались).

В отношении к частной городской торговле горпродком пошел на самые решительные меры. Было принято на учет для продажи по твердым ценам все производство галош «Треугольника» и «Богатыря». Продовольственные продукты, обнаруживаемые в больших количествах у частных лиц и фирм, немедленно реквизируются. Мясная торговля была целиком взята городом в свои руки, а городские лавки переданы обществу «Самопомощь»³⁴. На эти же органы был возложен контроль над продажей денатурированного спирта.

Но деятельность кооперативов, которые, по сути, заменили собой прежние органы самоуправления (по крайней мере в деле продовольствия), встретила неожиданное сопротивление со стороны самоорганизовавшихся горожан. Члены новообразованных в революцию районных продовольственных попечительств желали вести свою, отдельную от «Самопомощи», работу, что вызывало у кооператоров раздражение и чувство недоверия. «Соберутся 5–8–10, иногда 30 скупающих

³¹ Перепись населения в Самаре в 1917 г. Самара, 1918. С. 5–7.

³² ГУСО ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 40. Д. 2. Л. 19, 20.

³³ *Климушкин П. Д.* История Комитета народной власти второго периода // Кабытов П. С., Курсков Н. А. Вторая русская революция: Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918). Самара, 2002. С. 115.

³⁴ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1917. № 6. С. 8.

обывателей из числа домовладельцев и квартирохозяев и выберут Ивана Ивановича или потому, что речисто говорит, или высок и грозен видом, или — «именитый гражданин», — с раздражением писали в кооперативном журнале³⁵. В число «речистых» попали торговцы, чиновники, домовладельцы и только незначительная часть рабочих, учителей, людей свободных профессий. Естественно, такие попечители иногда вели действительно прямо противоположную делу общества работу, настраивая обывателей против кооператоров и кооперативных лавок. По анонимному доносу попечительства был даже устроен обыск в квартире одного известного деятеля кооперации³⁶. К попечителям иногда присоединялись и крайние элементы, вроде представителя пекарей Львова, заявившего, что все неустройство в продовольственных организациях происходит из-за того, что там «засели жида».

Удовлетворить спрос на продукты питания было не так просто, все усилия соответствующих организаций все чаще и чаще не достигали цели. Потому после фактического развала власти в феврале 1917 г. появилось и начало распространяться по губерниям явление, получившее название «мешочничество». Последнее определяется исследователями как «мелкое нелегальное снабжение», характерное для эпохи революции 1917 г. и Гражданской войны³⁷. Испытали на себе этот феномен и средневожские губернии.

Особенного размаха это явление достигло к моменту падения Временного правительства. В конце октября 1917 г. в Самаре отмечали, что «несмотря на тяжелое положение Самарской губернии, спекулятивный и неспекулятивный, но тайный вывоз муки из пределов губернии за последнее время достиг грандиозных размеров, и в частности на Волго-Бугульминской ж.-д.»³⁸. С этим злом власти намеревались бороться самыми решительными мерами, с помощью вооруженных отрядов, но проект организации последних встретил резкий отпор в лице самарского Совета солдатских депутатов; по мнению

³⁵ Известия Самарского общества «Самопомощь». Самара, 1917. № 10. С. 5.

³⁶ Там же. Самара, 1917. № 9. С. 7.

³⁷ Давыдов Ю. А. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1922 гг.: Мешочники. СПб.: Наука, 2002. С. 10, 11.

³⁸ Известия Самарского губернского продовольственного комитета. Самара, 1917. № 12–14. С. 17, 53–54.

последнего, применение отрядов, формируемых из гарнизона и ранее посылавшихся для этой цели, к желательным результатам не привело.

В начале октября 1917 г. в Бугульме к уездному комиссару явились 75 человек из Симбирской, Нижегородской и Пензенской губерний, настаивая на разрешении купить двадцать пудов хлеба своим семьям. Люди эти имели удостоверения от различных органов о своей нужде. Были среди них и действительно нуждающиеся, но были и спекулянты, повышавшие твердые цены, мешавшие казенным заготовкам. Уездный комиссар просил разрешить поставить на пограничных станциях уезда воинские отряды с офицером, чтобы реквизировать найденный у них хлеб в пользу армии по твердой цене, а также создать в помощь милиции конный отряд в 50 человек. Из Бузулука просили сделать распоряжение начальникам почтовых отделений уезда о прекращении приема посылок с мукой ввиду массовой отправки таковой в спекулятивных целях. В Бугурусланском уезде хлеба у зажиточных крестьян имелось с избытком, и спекулянты вывозили ежедневно от 100 до 400 пудов хлеба, скупая у сельских хозяев по 10–15 руб. за пуд. А находившиеся на некоторых станциях команды, охраны и транспортные комиссии, имея, в свою очередь, разные предписания от уездных властей и продовольственных комитетов, активного участия в борьбе с этим злом не принимали.

Одновременно с мешочничеством начали набирать силу погромы в городах и деревнях. Поводом было наличие, как отметил современник, «своего рода “буржув”», которые, «пользуясь общей разрухой до революции и во время нее, составили себе состояние путем искусственного взвинчивания цен на продукты и предметы первой необходимости»³⁹.

Таким образом, можно заключить, что, во-первых, потребительская кооперация в городах к 1917 г. превратилась в мощную экономическую силу. Но, несмотря на ее очевидные успехи, отечественные кооператоры не обольщались по поводу победы над спекулянтами. Только в годы Первой мировой войны в регионе стали складываться союзные объединения потребительских обществ, а до тех пор последние находились в зависимости от уездного или в лучшем случае от губернского оптового торговца, который снабжал их всем необходимым. Но при этом важным достижением являлся уже тот факт, что в ряде областей под влиянием открывшихся обществ потребителей местные торговцы вынуждены были снижать цены на товары и следить за их качеством.

³⁹ Симбирский дневник генерала А. В. Жиркевича. С. 110.

У потребителя появлялась возможность выбора, безраздельная монополия частных торговцев если и не была ликвидирована, то, несомненно, ослабла.

Во-вторых, формирование независимых от власти систем снабжения не остановило население на пути насильственного решения продовольственного вопроса. Смута 1917 г. поселила во многих людях уверенность в безнаказанности подобного поведения и возможности решить проблему снабжения путем безвозмездного отъема продуктов у других.

Сама по себе война принесла тяготы, но среди них именно продовольственный вопрос постоянно держал население в состоянии стресса. И крестьяне, и горожане по-разному реагировали на него, соглашаясь только в методах решения этого вопроса насильственным путем. Позитивный путь преодоления продовольственного вопроса и двух его главных проблем — дороговизны и недостатка продуктов, толкал население на организацию собственных независимых систем снабжения. Однако именно выступления на фоне дороговизны при всей своей стихийности имели важное значение, поскольку вовлекали в число недовольных местной и центральной властью, «купцами», старыми органами общественного управления в городах и селе все новые слои населения, до этого социально себя никак или слабо проявившие.

После февраля 1917 г. городские управления испытали на себе влияние всеобщего политического хаоса и развала прежней властной вертикали. В этих условиях была сделана ставка на опору на достижения кооперативов в деле продовольственного снабжения населения, но она оказалась неудачной. Города уходили все дальше по пути жесткой продовольственной политики, требуя тотальной реквизиции в деревнях.